

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РУССКОГО ЦАРИЗМА ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ КРЕСТЬЯНСКОГО ОТХОДА В XVII—XIX вв.

Б. Н. Казанцев

Изучение внутренней политики феодального государства в области крестьянского отхода в России — одна из важных задач исторической науки. Проводя в целом реакционную политику в отношении крестьянства, помещичье правительство в то же время по мере развития в стране товарно-денежных и особенно капиталистических отношений, а также под давлением стихийной борьбы крестьян против феодальных порядков вынуждено было временами идти на определенные уступки отдельным группам и даже целым категориям закрепощенного крестьянства, что объективно вело к росту подвижности сельского податного населения и способствовало формированию качественно новых социальных типов в деревне. Поэтому для глубокого понимания юридического, а отчасти и экономического положения крестьянства в феодальном обществе важно проследить реакцию господствующего класса феодалов и его правительства на зарождение и развитие новых социально-экономических процессов в деревне, которые нашли яркое отражение в крестьянском отходе.

Вопрос о законодательном регулировании крестьянского найма и неземледельческого отхода из деревни не раз привлекал внимание историков. Серьезный вклад в разработку этой проблемы внесли А. М. Панкратова, Н. М. Дружинин, А. Л. Шапиро, Е. И. Заозерская, А. Г. Маньков и другие исследователи¹. В последние годы интерес к этой теме несколько возрос благодаря возобновлению дискуссии по проблеме генезиса капитализма в феодальной России, а также в связи с изучением отходничества в порайонном разрезе и притока крестьян в Петербург и другие города².

¹ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Тт. I—II. М. 1946, 1958; А. М. Панкратова. Формирование пролетариата в России (XVII—XVIII вв.). М. 1963; А. Л. Шапиро. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время. «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени М. Н. Покровского. Т. V. Вып. I. Л. 1940; Е. И. Заозерская. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII в. (К вопросу о начальных формах экспроприации сельского и городского населения в России). «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». Сборник статей. М. 1958; е е же. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах в 20—60 гг. XVIII в. М. 1960; А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.—Л. 1962, и др.

² С. И. Сакович. Памяти кормежные, наемные и жилые крестьян-отходников конца XVII века. «Археографический ежегодник за 1962 год». М. 1963; А. А. Преображенский. К вопросу о миграциях населения на Урале и в Западной Сибири в XVII—начале XVIII в. «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири», Сборник 38. Свердловск. 1966; Л. Н. Семенова. Правительство и рабочий люд Петербурга в первой половине XVIII века. «Внутренняя политика царизма (середина XVI — начало XX в.)». Сборник статей. Л. 1967.

Однако до сих пор проблема законодательного регулирования временного отлива из деревни пестрой по своему социальному составу сформировавшейся в феодальный период армии отходников в литературе освещена недостаточно. Она не исследуется даже в некоторых работах, специально посвященных истории законодательства о крестьянах³. Особенно слабо изучена правительственная политика по регулированию крестьянского отхода во второй половине XVIII в., а отчасти и в первой половине XIX века. Не прослежены основные этапы государственной политики по легализации и регулированию крестьянского отхода.

В настоящей статье сделана попытка рассмотреть основные изменения в законодательной политике русского самодержавия по регулированию отходничества крестьян и регламентирование правительством неземледельческого отхода и найма основных категорий крестьянства в период позднего феодализма и генезиса капитализма в России. Эти вопросы рассматриваются в рамках трех крупных периодов в истории феодально-крепостнической России: второй половины XVII в. — первой половины XVIII в.; второй половины XVIII в.; первой половины XIX века⁴.

Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. в связи с усилением общего курса феодального государства на закрепощение крестьян заметно активизируется и законодательная деятельность русского царизма. Окончательное оформление крепостного права (1649 г.), введение сначала подворной (1678 г.), а затем (в 20-е годы XVIII в.) подушной подати, поставив повседневную жизнь сельского податного населения под строгий надзор и контроль государственных органов и феодалов, чрезвычайно затруднили временный уход крестьян из деревни и их хозяйственные занятия на стороне. Однако эта государственная политика по ограничению передвижения крестьян, проводимая в интересах феодалов, несмотря на крайне жестокие методы ее осуществления, не могла остановить процесса вызревания новых социально-экономических отношений в феодальной деревне. В сложной обстановке второй половины XVII в. по мере роста общественного разделения труда и складывания хозяйственной специализации между отдельными районами, приводивших ко все большему отделению промышленности от земледелия и усилению товарного обмена между областями, вызревали предпосылки для зарождения массового крестьянского отхода. Существенное влияние на появление и развитие отхода среди крестьян, втянутых в рыночные отношения, оказало также заметное распространение в последние десятилетия XVII в. денежной ренты среди отдельных категорий крестьян.

В отличие от сельского хозяйства, где господство крепостнических отношений длительное время исключало сколько-нибудь широкое применение наемного труда в земледелии⁵, в мелкой (ремесленное и мелкотоварное производство) и крупной (купеческая) промышленности, а также на речном транспорте, в торговле и на строительных работах в городах сложилась более или менее благоприятная обстановка для широкого применения наемного труда и зарождения капиталистических отношений. Все это в конечном счете предопределило неземледельческое направление крестьянского отхода, остававшееся основным в течение всего рассматриваемого периода.

³ Г. В. Яровой. Государственные крестьяне в законодательстве первой половины XIX века. «Ученые записки» Уральского государственного университета имени А. М. Горького. № 42. Серия историческая. Вып. 2. Свердловск. 1967.

⁴ В основу статьи положен актовый материал, вошедший в «Полное собрание законов Российской империи» (собрание первое и второе).

⁵ В. К. Яцунский. Еще к вопросу о возникновении капиталистического расчленения земледельческого крестьянства в дореформенной России. «История СССР», 1963, № 1, стр. 125—126.

Борясь с утечкой рабочей силы из деревни, крепостническое государство начиная со второй половины XVII в. разрабатывает меры по регулированию временных отлучек крестьян. В этой связи немалый интерес представляет вопрос о складывании государственно-правовых норм о крестьянском отходе в период, предшествующий введению паспортной системы в России. Статья 32 Соборного Уложения 1649 г., разрешившая крестьянам и бобылям производить «повольный найм»⁶, дает основание полагать, что правительство в данном случае сделало определенную уступку и санкционировало тот порядок найма, который уже сложился на практике. В последующие десятилетия XVII в. в законодательство были внесены некоторые изменения и дополнения, усилившие контроль государства над зарождавшимся массовым отходом крестьян. В этом плане обращает на себя внимание указ 1683 г., в котором, пожалуй, впервые содержится упоминание о приеме на работу по найму не только по поручным записям, но и по кормежным памятям⁷. Таких отпускных свидетельств (кормежных памятей) законодательство середины XVII в., по-видимому, еще не знало. К более раннему времени относится возникновение однотипной с кормежными памятями документации — отпускных писем и подорожных (проезжих), по которым черносошные крестьяне северных уездов уходили на заработки⁸. Отпускные письма и кормежные памяти были основными документами, дававшими право на легальный уход крестьян для приискания приработков не только внутри отдельных уездов (например, в северных уездах Европейской России)⁹, но, очевидно, и в другие уезды. В этом смысле их можно считать прототипами позднейших паспортов и покормежных писем XVIII века.

Распространение денежной ренты среди церковных (патриарших) и монастырских крестьян в отдельных районах примерно с последней трети XVII в.¹⁰, повлекшее за собой повышенную потребность в неземледельческом отходе данных категорий крестьян, и имевшие место случаи закабаления нанимавшихся в услужение крестьян поставили государство перед необходимостью установить определенный срок для таких наймитов. Указом 16 ноября 1702 г. патриаршим, архиерейским и монастырским крестьянам было разрешено наниматься по записям на работы к различным владельцам на срок от трех до пяти лет¹¹. Противоположной позиции придерживались власти в конце XVII в. относительно найма дворцовых крестьян. Им по закону разрешалось наниматься на работу лишь в пределах дворцовых волостей и то только «у своей братьи посадских людей и крестьян и бобылей»¹². Исходя из этого, можно предположить, что до начала XVIII в. дворцовые крестьяне как категория фактически не участвовали еще в формировании широкого легального отходничества.

Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. большое количество отходников притягивали города Поволжья, где было развито судоходство. Среди лиц, приходивших в эти районы в первые десятилетия XVIII в., численно преобладали помещицы и дворцовые крестьяне, имевшие при себе краткосрочные «покормежные» письма. Долгосрочные или даже бессрочные отпускные письма имелись в основном лишь у немногочисленной группы зажиточных крестьян¹³. Это свидетельствует об

⁶ «Памятники русского права». Вып. шестой. М. 1957, стр. 173.

⁷ ПСЗ. Собр. I. Т. II, № 985.

⁸ «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири». Сборник 38, стр. 76.

⁹ «Археографический ежегодник за 1962 год», стр. 166—168; «Русское государство в XVII веке». Сборник статей. М. 1961, стр. 217.

¹⁰ А. Н. Сахаров. Русская деревня XVII в. По материалам патриаршего хозяйства. М. 1966, стр. 81.

¹¹ ПСЗ. Собр. I. Т. IV, № 1920.

¹² ПСЗ. Т. III, № 1614.

¹³ Н. Б. Голикова. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. М. 1965, стр. 58—59.

известной дифференциации среди лиц, участвовавших в легальном отходе.

Настоятельная необходимость усилить борьбу с «незаконным» отходничеством, принявшим форму массовых крестьянских побегов, фискальные интересы казны, расширение сферы приложения труда отходников — все это побудило правительство ввести паспортную систему в России. Она была установлена в период 1719—1726 годов¹⁴. Указ 30 октября 1719 г. запрещал временные отлучки крестьян и других лиц податного сословия без паспортов и проезжих писем¹⁵. Суровые ограничительные начала, сформулированные в этом указе, получили свое дальнейшее развитие и оформление в петровском плакате от 26 июня 1724 г. о сборе подушных денег и в последующих правительственных узаконениях. Впервые в истории российского феодального государства плакат 1724 г. ввел строгое разграничение понятий ближнего (внутриездного) и дальнего (далее 30 верст от местожительства) отхода. В отличие от прежних правительственных постановлений петровский плакат установил единый максимальный срок временных отлучек для всех категорий крестьян, равный трем годам¹⁶.

Последующие за этим 10—15 лет, на наш взгляд, можно назвать временем постепенного изъятия из обращения старых (допаспортных) документов на отход и подложных отпускных писем¹⁷. С целью ликвидировать такие «воровские» паспорта в 1726 г. был издан указ об отпуске крестьян «для прокормления» только по отпечатанным в сенатской типографии письмам¹⁸. Однако этот закон сначала фактически не выполнялся¹⁹. По-видимому, лишь после нового указа 22 января 1731 г. центральные органы стали требовать от местных властей обязательной выдачи отходникам печатных паспортов²⁰. Этой политике правительство строго придерживалось на всем протяжении 30—40-х годов XVIII века. Одной из конкретных форм проявления этого государственного курса явился указ 21 мая 1743 г., обязавший промышленников принимать на работу крестьян только с печатными паспортами²¹.

Благодаря усилению государственного контроля за отлучками крестьян, а также в связи с проведением второй ревизии и новых рекрутских наборов возрос спрос на законные паспорта со стороны местных властей ряда провинций. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что Сенат в течение 1736—1737 гг. дважды отдавал распоряжения о напечатании сначала 30 тыс. паспортов, а затем дополнительно к ним еще 40 тысяч²². Большое количество таких паспортов (от 5 до 10 тыс.) посылалось в 40-х годах XVIII в. в Соликамский уезд, Пермскую и Вятскую провинции²³. Это было связано с тем, что солепромышленникам требовались люди для того, чтобы не допускать перебоев в доставке соли по Волге.

По законодательным актам и имеющимся в современной литерату-

¹⁴ Подробнее о предложениях по учреждению паспортов в России см.: Н. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб. 1897, стр. 115—116 и др.

¹⁵ ПСЗ. Т. V, № 3445.

¹⁶ ПСЗ. Т. VII, № 4533.

¹⁷ О борьбе властей с подложными паспортами на волжском пути и изъятии письменных свидетельств см. ПСЗ. Т. VII, №№ 4827, 4942; т. VIII, № 6210; т. XII, № 9108.

¹⁸ ПСЗ. Т. VII, № 4827.

¹⁹ ПСЗ. Т. VIII, №№ 5226, 5676.

²⁰ Там же, № 5676.

²¹ ПСЗ. Т. XI, № 8738.

²² ПСЗ. Т. IX, № 6941; А. Н. Филиппов. Журналы правительствующего Сената за 1737 г. Ч. II. М. 1911, стр. 14.

²³ М. Я. Волков, С. М. Троицкий. О буржуазном расслоении крестьян и складывании рынка наемной рабочей силы в России в первой половине XVIII в. «История СССР», 1965, № 4, стр. 97.

ре сведениям очень трудно, а подчас и невозможно проследить, насколько полно соблюдались административными органами на местах и помещиками требования об унифицированных пропускных свидетельствах. Думается, что для выяснения этого вопроса следует продолжить поиски и обработку инструкций и других нормативно-правовых документов о порядке отхода. В частности, из управительской инструкции 1731 г. о дворцовых крестьянах видно, что она обязывала управителей дворцовых имений выдавать покормежные тем крестьянам, которые отпускались на работу и для «пропитания» в другие волости, города и чужие вотчины. Крестьянам же, отлучавшимся для занятий промыслами, предписывалось выдавать паспорта²⁴.

Наиболее широко паспортную систему удалось внедрить в промышленность. Многочисленными запретительными указами 20—30-х годов XVIII в. о неприеме беглых и беспаспортных людей на работу²⁵ и другими мерами к началу 40-х годов правительству удалось в основном сломать бытовавшую до этого практику поступления лиц, не имевших паспортов, на работу на текстильные предприятия Москвы и других промышленных центров страны²⁶.

Правительство Елизаветы Петровны попыталось ограничить уход крестьян в другие районы выдачей им на руки одних печатных паспортов. С этой целью в 1743 г. было объявлено об обмене на территории всего государства письменных паспортов на печатные²⁷. Однако и эта очередная затея правительства не была осуществлена полностью.

Различные запретительные меры царизма в 20—40-е годы XVIII в. чрезвычайно осложнили и сократили на время (примерно до 60-х годов) легальный отход из деревни. Что касается самочинного крестьянского отхода (крестьянские побеги) и отлучек крестьян, то, судя по письменным свидетельствам и просроченным документам, правительство вело с ними беспощадную борьбу²⁸.

Для понимания правительственной политики в области крестьянского отхода многое дает изучение подготовительных материалов к разрабатывавшимся законоположениям. К сожалению, они исследованы историками недостаточно. В первой половине и в середине XVIII в. русский абсолютизм в связи с подготовкой законопроектов по пересмотру основного свода феодальных законов середины XVII в. дважды намеревался изменить и общие положения о крестьянском найме. Серьезные ограничения в отношении беглых крестьян и отходников проектировала внести в законодательство учрежденная в 1700 г. Палата об Уложениях. Подготовленный ею новый проект Уложения предусматривал серьезные ограничения сроков крестьянского отхода и найма²⁹.

Новая комиссия об Уложении, работавшая в 1754—1766 гг. над пересмотром норм действовавшего Уложения XVII в., предполагала сделать некоторые уступки развивавшимся буржуазным элементам в стране и, в частности, промысловому крестьянству, которое в 40-х годах XVIII в. посылало правительству многочисленные челобитные с жалобами на запретительную политику помещиков³⁰. По проекту нового Уложения все категории крестьян могли отпускаться по письмам их вла-

²⁴ С. И. Волков. Крестьяне дворцовых владений Подмосквья в середине XVIII в. (30—70-е годы). М. 1959, стр. 54.

²⁵ См. Е. И. Заозерская. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII в., стр. 164—165.

²⁶ Е. И. Заозерская. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах в 20—60 гг. XVIII в., стр. 138, 149, 264—265.

²⁷ ПСЗ. Т. XI, № 8738.

²⁸ А. Г. Маньков. Указ. соч.; Е. И. Заозерская. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах в 20—60 гг. XVIII в.

²⁹ А. Г. Маньков. Указ. соч., стр. 377—378.

³⁰ П. К. Алефиренко. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII века. М. 1958, стр. 364.

дельцев или местными органами власти «для прокормления и промыслов» на шесть месяцев в году. Отход на заработки в летний период получали также и крестьянки, что было новым моментом в проекте³¹. Максимальный срок отпуска крестьянина по паспорту, как и по петровскому плакату, устанавливался в три года. Из всех выдвинутых этой комиссией предположений о временной отлучке крестьян из деревни в последующие 70-е годы был реализован лишь пункт об отпуске крестьян на короткий срок по заданию помещика или приказчика, то есть по феодальному принуждению (см. указ от 12 августа 1771 г.).

Углубление хозяйственной специализации между сельскохозяйственными и формировавшимися промышленными районами страны во второй половине XVIII в., приобщение к торгово-промышленным занятиям значительных групп оброчного крестьянства центрально-нечерноземной зоны, увеличение спроса на наемный труд в промышленности, торговле, на речном транспорте, в городском хозяйстве, учащение случаев использования наемных лиц в самом сельском хозяйстве, а также заинтересованность части помещиков во временном отпуске своих крестьян (в основном оброчников) на заработки из деревни — все это ставило крепостническую власть перед необходимостью пересмотреть ряд устаревших правил о порядке отпуска крестьян на заработки и для занятий различными промыслами. В этих изменившихся условиях власти должны были пойти на известное послабление полицейского контроля за перемещением дворцовых, экономических и государственных крестьян. Начиная с 60-х годов XVIII в. в паспортах и покормежных этих крестьян прежняя формулировка об отпуске отходника в определенный пункт назначения была заменена новой: «Отпущен для прокормления в Москву и другие города, кроме сибирских»³².

Сравнительно быстрое увеличение размеров неземледельческого отхода крестьян (с 60—70-х годов XVIII в. в нем довольно широкое участие начинают принимать помещичьи крестьяне ряда губерний)³³ вызывали в среде господствующего класса феодалов и его правительства опасение, что они могут потерять контроль над ухажившими из деревни крестьянами. Острая борьба по этому вопросу между представителями мануфактур-коллегии и депутатами от крепостнического дворянства³⁴ развернулась в комиссии для составления проекта нового Уложения, созванной Екатериной II по манифесту 1766 года.

Опасаясь, что даже небольшие послабления в вопросе передвижения крестьян могут повлечь за собой массовое их бегство из вотчин и нанесут «вред» государству, крепостники требовали от правительства строгого соблюдения правил о паспортах³⁵. Выполняя этот наказ дворянства, царское правительство на протяжении всей второй половины XVIII в. продолжало вести систематическую борьбу с беспаспортным отходом и отлучками крестьян по неуказным паспортам далее 30 верст от места жительства. Незыблемостью основных принципов, провозглашенных петровским плакатом, был пронизан и указ от 12 августа 1771 г. «О даче печатных паспортов крестьянам, отлучающимся из домов своих далее 30 верст для прокормления себя работою»³⁶.

³¹ См. «Проект нового уложения, составленный законодательной комиссией 1754—1766 гг.». СПб. 1893, стр. 127—129.

³² М. Н. Артеменков. Наемные рабочие московских мануфактур в 40—70-х годах XVIII в. «История СССР», 1964, № 2, стр. 135.

³³ Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М. 1957, стр. 309.

³⁴ «Сборник императорского Русского исторического общества» (РИО). Т. 43. СПб. 1885, стр. 210; Е. И. Заозерская. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах в 20—60 гг. XVIII в., стр. 6, 304—305.

³⁵ Д. Поленов. Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового уложения. Ч. 1. СПб. 1869, стр. 115—117.

³⁶ ПСЗ. Т. XIX, № 13635.

Оставаясь на позициях укрепления основ паспортной системы в России, государственная власть в то же время в отдельные годы делала вынужденные уступки товаропроизводителям и промышленникам из числа разбогатевших крестьян, а также (правда, гораздо реже) и всем крестьянам, нуждавшимся в дополнительных приработках. Примером уступок такого рода является сенатский указ от 16 февраля 1772 г., разрешивший выдачу особых билетов не только работным людям и ремесленникам, переходившим для занятий промыслами и в поисках «пропитания» из города в город, но и жителям сельской местности, которые «по способности пожелают брать такие билеты от определенных в том уезде частных смотрителей», согласно своему желанию³⁷. Упоминание о билетах в этом указе³⁸ позволяет вынести на обсуждение исследователей вопрос о времени (точнее, первых попытках крепостнического государства) введения билетов в России, так как обычно в литературе учреждение билетной системы связывается с указом 1827 года. Характерно также, что указ 1772 г., разрешая местным властям выдавать билеты без указания места конечного следования отходников, содержал особую оговорку, что последние следуют «из благополучных и неопасных мест». Появление такой оговорки в законе позволяет предполагать, что она была сделана под прямым влиянием усилившихся в конце 60-х — начале 70-х годов XVIII в. крестьянских волнений, вылившихся вскоре в Крестьянскую войну под предводительством Е. И. Пугачева.

Примерно с 90-х годов XVIII в. четко прослеживается усиление непоследовательности правительственной политики в области отходничества. Одним из конкретных проявлений этого был указ 24 июля 1798 г. о заочном продлении паспортов находящихся в отлучках купцов, мещан и крестьян³⁹. Разрешение заочно возобновлять паспорта расширило границы крестьянского отходничества и объективно вело к ускорению процесса формирования рынка наемной рабочей силы, а также углублению социальной дифференциации в среде самих отходников. Однако, делая уступку в этом вопросе, государственная власть стремилась не допустить массовой утекки крестьян в города с определившимся торгово-промышленным профилем. Этим в основном и можно объяснить усиление реакционных тенденций в феодальном законодательстве в вопросе о приписке крестьян в посады. Начиная с 80-х годов XVIII в. прежние ограничения в отношении записи крестьян в мещанское сословие сменяются законами, прямо запрещающими подобные акты⁴⁰.

Потребность в паспортах разной продолжительности, необходимость изъятия из обращения подложных видов на отход, а также фискальные интересы казны потребовали разработки новых мер по совершенствованию учета и выдачи свидетельств на отход. Сентябрьский указ 1798 г. впервые вводил в России различие между годовыми, двухгодовыми и трехгодовыми паспортами⁴¹. Одновременно с этим вносятся некоторые упрощения и в процедуру получения паспортов для крестьян удельного ведомства. Согласно указу 2 марта 1798 г., удельные крестьяне могли получать покормежные паспорта, минуя вновь учрежденные удельные экспедиции⁴². Таким образом, к концу XVIII в. помещичье правительство было поставлено перед необходимостью пойти на отдель-

³⁷ ПСЗ. Т. XIX, № 13761.

³⁸ Самого правительственного постановления об учреждении особой формы билетов, разосланной на места 20 декабря 1771 г. (см. упоминание о ней в тексте указа 16 февраля 1772 г.), среди опубликованных законов обнаружить не удалось (ПСЗ. Т. XIX, № 13761).

³⁹ ПСЗ. Т. XXV, № 18600.

⁴⁰ См. Ю. Р. Клокман. Город в законодательстве русского абсолютизма во второй половине XVII—XVIII в. «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». Сборник статей. М. 1964, стр. 347, 351.

⁴¹ ПСЗ. Т. XXV, № 18668.

⁴² Там же, № 18408.

ные уступки временно уходившим из деревни крестьянам, что оказало влияние на судьбу формировавшихся двух социально различных типов отходников: предпринимателей и наемных работников.

Консервативная сущность правительственной политики в вопросе крестьянского отхода, отражавшая реакцию феодальных сил на происходившие в крепостной деревне прогрессивные социально-экономические процессы, с еще большей силой обнаружилась в первой половине XIX в. — в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы в России. Неуклонное развитие новых производительных сил внутри феодальной формации, рост капиталистической промышленности и мелкотоварного производства, увеличение роли денег в жизни крестьян, усиление феодальной эксплуатации, сопровождавшейся увеличением налогового бремени крестьян и сокращением крестьянских наделов, — все это способствовало вовлечению в неземледельческий отход больших масс государственных, помещичьих и других категорий крестьянства. Этот отход на сторонние заработки получает со второй половины 20-х годов все большее развитие и среди барщинного крестьянства⁴³.

В середине XIX в. в России насчитывалось уже до 3,9 млн. наемных рабочих, подавляющее большинство которых составляли деревенские оброчники⁴⁴. В условиях укрепления позиций капиталистического уклада в экономике страны правительству все труднее становилось добиваться соблюдения не только крестьянами, но и местными властями установленных правил отпуска крестьян из их родных мест. Так, например, в ряде губерний местные власти вследствие роста недоимок в государственной и черносошной деревне широко практиковали выдачу крестьянам письменных паспортов для дальнего отхода⁴⁵. По просьбе Виленской, Пермской, Смоленской и Тобольской казенных палат правительство отчасти узаконило такую практику. Указом 31 декабря 1823 г. было разрешено местным властям выдавать крестьянам письменные паспорта. Однако эти паспорта должны были оформляться не на простой бумаге, как о том просили палаты, а на гербовой 50-копеечной бумаге⁴⁶.

Еще в самом начале XIX в. были несколько ослаблены ограничения в отношении тех удельных крестьян, которые уезжали на короткое время (в пределах одного месяца) в города и на сельские ярмарки для продажи хлеба. Они могли отлучаться по письменным паспортам⁴⁷. Однако им не разрешалось по этим документам наниматься на работу на стороне, что говорит о проведении удельной администрацией строго ограничительной политики по отношению к временно отлучающимся из дома крестьянам.

Увеличение в первой четверти XIX в. числа дворовых людей вызвало появление указов и об этой категории «избыточных» в помещичьем хозяйстве лиц, установивших сроки их отпуска и повышенные пошлины с выдаваемых им письменных видов⁴⁸. Пошлины с выдаваемых паспортов для всех крестьян стали особенно быстро расти в конце XVIII — начале XIX в.⁴⁹, что можно объяснить двумя основными причинами: стрем-

⁴³ И. Д. Ковальченко. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства. М. 1959, стр. 174.

⁴⁴ См. А. Г. Рашин. К вопросу о формировании рабочего класса в России. «Исторические записки». Т. 53. 1955, стр. 193.

⁴⁵ ПСЗ. Т. XXVIII, № 21722; т. XXXVIII, № 29722.

⁴⁶ ПСЗ. Т. XXXVIII, № 29722.

⁴⁷ ПСЗ. Т. XXVII, № 20891. Одновременно с этим указом (1803 г.) было подтверждено право помещичьих и государственных крестьян отлучаться для продажи своих продуктов на рынке и по приказу помещика на расстояние свыше 30 верст.

⁴⁸ ПСЗ. Т. XXXVIII, № 29246.

⁴⁹ См. указы 18 декабря 1797 г. и 28 ноября 1806 г. (ПСЗ. Т. XXIV, № 18278; т. XXIX, № 22370).

лением царизма, с одной стороны, в какой-то мере поправить свое катастрофически ухудшавшееся финансовое положение, а с другой — не допустить массовой утечки рабочей силы на длительный срок из крепостной деревни. В дальнейшем на протяжении первой четверти XIX в. сборы за паспорта, взимаемые с крестьян и мещан, еще более возросли. За годовые паспорта они стали платить по 6 руб., за двухгодовые — 16 руб. и за трехгодовые — 30 руб. серебром⁵⁰. Лишь в неурожайные 1839, 1840, 1850, 1851, 1854 и некоторые другие годы правительство разрешало выдавать бесплатные паспорта и билеты помещичьим и государственным крестьянам голодающих губерний с тем, чтобы последние сами приискивали себе заработки в других губерниях⁵¹.

Превратив паспортный сбор в один из существенных источников пополнения государственного бюджета (казна получала от этого сбора в первой четверти XIX в. до 4750 тыс. руб. ежегодно)⁵², правительство крайне осторожно подходило ко всяким проектам изменения размеров пошлин за плакатные паспорта⁵³. Однако рост общего недовольства крестьянства, а также судорабочих и других работных людей различными поборами⁵⁴ побудил государственную власть заняться во второй половине 20-х годов пересмотром действовавших паспортных правил⁵⁵.

Определенное влияние на изменение прежней паспортной политики правительства оказала и возросшая заинтересованность многих помещиков и казенных волостных правлений в отпуске крестьян, особенно недоимочных, на заработки для уплаты оброка и податей. В 1826 г. министром финансов Е. Ф. Канкриным была составлена записка и подготовлен проект нового положения о плакатных паспортах и билетах⁵⁶. Однако проект встретил возражения со стороны членов департаментов экономии и законов Государственного совета, высказавшихся за отсрочку издания нового закона о паспортах и билетах. На первый раз члены этих департаментов соглашались лишь на издание закона о выдаче крестьянам и мещанам, помимо годовых, также и полугодовых паспортов⁵⁷. Большое влияние на быстрое издание новых законов о полугодовых паспортах и билетах оказала записка начальника Новороссийского края графа М. С. Воронцова о замене паспортов в этом редкозаселенном крае письменными свидетельствами, которая нашла поддержку у Николая I⁵⁸.

Закон об учреждении полугодовых паспортов было решено издать ко дню коронации нового царя — 22 августа 1826 года⁵⁹. Этим актом, так же, как и самим манифестом 22 августа⁶⁰, крепостническая верхушка хотела внести некоторое успокоение в крестьянское движение, уси-

⁵⁰ «Архив Государственного совета». Т. 5. Царствование императора Николая I. СПб. 1904, стр. 210.

⁵¹ ПСЗ. Т. XV, отд. 1, № 13733; т. XVI, № 12980-а; т. XX, отд. 1, №№ 18718, 18726, 18895; т. XXVI, отд. 2, № 25659; т. XXXIII, № 30243-а.

⁵² «Архив Государственного совета». Т. 5, стр. 211.

⁵³ См., например, предложение об изменении порядка сбора пошлины за паспорта, внесенное в начале XIX в. Д. П. Трошинским в Государственный совет. «Архив Государственного совета». Т. 3. Царствование императора Александра I. СПб. 1878, стр. 278.

⁵⁴ Одним из них был нелегкий акцизный сбор, который торгующие крестьяне и наемные работники обязаны были платить в казну крупных городов (ПСЗ. Собр. 2. Т. II, № 1471).

⁵⁵ «Очерки экономической истории России первой половины XIX века». М. 1959, стр. 79; ПСЗ. Собр. 2. Т. II, № 1471.

⁵⁶ «Архив Государственного совета». Т. 5, стр. 210—211.

⁵⁷ Там же, стр. 213.

⁵⁸ Там же, стр. 216, 220.

⁵⁹ ПСЗ. Собр. 2. Т. I, № 543.

⁶⁰ Этим манифестом с торгующих крестьян были сняты некоторые недоимки и сделаны другие незначительные погашения задолженности казне (ПСЗ. Собр. 2. Т. I, № 540).

лившееся в 20-е годы, и одновременно уменьшить число недоимочных крестьян. Вслед за указом о полугодовых паспортах был издан указ от 6 декабря 1827 г., учредивший для мещан, крестьян и дворовых людей в дополнение к паспортам также месячные, двух- и трехмесячные билеты⁶¹. Наибольшую выгоду от нового закона практически получали крестьяне торговых местечек, промышленных сел и слобод, для которых неземледельческий «промысел» и прежде всего сезонная работа по найму на стороне играли главную или значительную роль в их бюджете. Для всех отходников была установлена месячная льготная отсрочка, необходимая для обмена билета по месту их жительства. Закон разрешил также каждому отходнику вписывать в свой билет детей и жену, что было новым моментом по сравнению с прежним законодательством XVII—XVIII веков.

В связи с тем, что по этим билетам разрешалось наниматься на работы на суда, заводы и в другие места, настоящее узаконение отменило все ранее изданные указы о письменных билетах. Письменные виды разрешалось, как и ранее, выдавать только дворовым людям, находившимся в Москве и Петербурге. Тем самым правительством была проведена известная унификация видов на отход, облегчившая контроль над временно уходившими из деревни крестьянами. Закон 1827 г., представляя в целом уступку развивавшимся в стране элементам нового, капиталистического общества, в то же время был выгоден и многим помещикам, поскольку кратковременный отход крестьян из деревни в удобное для дворян время года сам по себе еще не приводил к разрушению крепостнических отношений в сельском хозяйстве. Начиная с 1 января 1827 г. правительством были несколько снижены сборы за годовые, двух- и трехгодовые паспорта⁶². Все это свидетельствует об увеличении с конца 20-х годов непоследовательности правительственной политики в области регулирования крестьянского отхода.

В связи с усилением экономических позиций буржуазии и разбогатевших крестьян правительство вынуждено было уже в первые десятилетия XIX в. снять ряд ограничений в торгово-промышленной деятельности крестьян в городах⁶³, что, в свою очередь, привело к усилению массового наплыва отходников в торгово-промышленные города.

Предоставленное крестьянам и мещанам право заочно возобновлять плакатные паспорта не устраивало основную массу отходников, приходивших в крупные города, так как они в случае опоздания с оформлением новых паспортов автоматически попадали по закону в разряд беглых⁶⁴. Находясь под угрозой постоянного полицейского преследования, государственные крестьяне и иногородние мещане подавали большое число жалоб в министерство финансов и департамент государственных имуществ с просьбой о выдаче им отсрочек до получения новых паспортов. Под давлением этих жалоб правительство в декабре 1824 г. установило общие правила об отсрочках на 6 месяцев для мещан и крестьян, проживающих по плакатным паспортам в Петербурге и Москве⁶⁵ (с 1843 г. всем государственным крестьянам, приходившим по паспортам в Петербург, было разрешено брать вторичные шестимесячные отсрочки)⁶⁶. С конца 1824 г. правило о 6-месячной

⁶¹ ПСЗ. Собр. 2. Т. 2, № 1593.

⁶² Об изменении цен на паспорта см. также указ от 9 ноября 1839 г. (ПСЗ. Т. XIV, отд. 1, № 12867. Прилож., стр. 237).

⁶³ «Очерки экономической истории России первой половины XIX века», стр. 297 и др.

⁶⁴ См. «Труды комиссии, учрежденной для пересмотра устава о паспортах». Ч. 1. СПб. 1861, стр. 23.

⁶⁵ ПСЗ. Собр. 1. Т. XXXIX, № 30143. До этого казенным крестьянам, например, свидетельства об отсрочках выдавались лишь на два месяца.

⁶⁶ ПСЗ. Собр. 2. Т. XVIII, отд. 1, № 17161. В 1860 г. всем государственным крестьянам, проживавшим в Петербурге, было разрешено выдавать эти отсрочки по словесным заявлениям самих крестьян (ПСЗ. Т. XXXV, отд. II, № 36240).

отсрочке было распространено и на удельных крестьян, приходивших на заработки в Петербург⁶⁷.

Наряду с крестьянским отходом в столицы, ставшим уже традиционным, в XIX в. также появляются новые направления отходов, главным из которых стало южное. В 1829 г. правила об отсрочке, но только на 4 месяца, были установлены для мещан и крестьян, приходивших на работу в Астрахань⁶⁸; в 40-х годах — для всех иногородних работников и промышленников в городах Херсоне, Ростове, Бердянске, Николаеве, Таганроге, Оренбурге, Уфе, Архангельске и в уездных городах Архангельской губернии⁶⁹. В 1856 — январе 1860 г. такие же 4-месячные отсрочки было разрешено выдавать полиции городов Мариуполя и Нахичеваня, ростовской земской полиции и полиции Очакова, Симферополя и городов Урала⁷⁰.

Вынужденное признание государственной властью в 20—50-х годах юридического права отходников на продление срока их пребывания в городах имело в условиях крепостнической действительности исключительно большое значение: оно способствовало формированию в Петербурге, Москве и некоторых других городах прослойки постоянных наемных рабочих, оторванных от земледелия еще до 1861 года. Важное значение для формирования кадров наемного полупролетариата имел также закон 24 мая 1835 г. о взаимных отношениях наемных рабочих и предпринимателей⁷¹ и его распространение вслед за Петербургом и Москвой в 30—50-е годы на некоторые другие промышленные местности⁷². Завоевание крестьянами-отходниками совместно с другими рабочими людьми права на повторную отсрочку по паспортам и увеличение сроков найма создавали благоприятные возможности для их длительного проживания в городах и постепенного высвобождения из-под власти феодалов. Немало рабочих людей, имевших на руках просроченные паспорта или обходившихся вовсе без них, старались осесть в слободах и бесхозяйных пригородных землях, на которые не распространялся полицейско-фискальный надзор со стороны адресных контор и экспедиций⁷³.

Продолжая придерживаться и в первые десятилетия XIX в. запретительной политики в отношении крестьян, стремившихся перейти на постоянное местожительство в город, правительство в то же время в связи с сокращением численности крестьян, аккуратно плативших налоги, вынуждено было допускать значительные отступления и в этом вопросе⁷⁴. В период назревания кризиса феодально-крепостнической системы для правящих кругов все очевидней становилось также, что действующее законодательство о ближнем крестьянском отходе устарело. Однако, опасаясь, что всякое послабление в области крестьянского отхода может повлечь за собой усиление освободительного движения всего крестьянства, Государственный совет в весьма тревожные для

⁶⁷ ПСЗ. Собр. 2. Т. III, № 3259.

⁶⁸ ПСЗ. Собр. 2. Т. IV, № 3259.

⁶⁹ ПСЗ. Т. XV, отд. I, № 13779; т. XVIII, отд. I, №№ 16422, 17072; т. XX, отд. I, №№ 18583, 18762, 19161.

⁷⁰ ПСЗ. Т. XXXII, отд. I, № 31922; т. XXXIV, отд. I, № 34286; т. XXXIV, отд. II, №№ 35157, 35232; т. XXXV, № 35327.

⁷¹ ПСЗ. Т. X, отд. I, № 8157.

⁷² ПСЗ. Т. XI, отд. I, № 8821; отд. II, № 9675; т. XII, отд. I, №№ 10037, 10734; т. XIV, отд. I, № 12975; т. XVIII, отд. I, № 17330; т. XXI, отд. I, № 20014; т. XXII, отд. I, № 21116; т. XXVII, отд. I, № 26331; т. XXVIII, отд. I, №№ 27020, 27793.

⁷³ См. «Очерки экономической истории России первой половины XIX века», стр. 287. Первые такие конторы адресов были учреждены по указу 1809 г. в Петербурге и Москве для регистрации всех людей, приходивших в столицы в поисках работы (ПСЗ. Собр. 1. Т. XXX, № 23911).

⁷⁴ См., например, указ 9 июня 1832 г., разрешивший дворовым людям и безземельным крестьянам — должникам казны — записываться в разряды мещан или городских рабочих людей (ПСЗ. Т. VII, № 5425).

крепостников 1848—1849 гг. не рискнул пойти на отмену изживших себя видов на ближний отход⁷⁵.

Установленными дворянским законодательством правилами отход подавляющей части крестьян регулировался вплоть до реформы 1861 года. Как свидетельствуют официальные данные о числе выданных паспортов и билетов, кратковременный отход (преимущественно на срок от одного до трех месяцев) в последние десятилетия существования крепостного права в России преобладал как среди государственных⁷⁶, так и в основном среди помещичьих крестьян. Если учесть, что число билетов обычно бралось крестьянами в два-три раза более, чем паспортов, то можно предположить, что общее число помещичьих крестьян, отлучавшихся из своих родных мест по узаконенным видам, превышало 1 млн. человек⁷⁷. В процентном отношении это составит значительно меньшее количество людей, чем число отходников из среды государственных крестьян.

Рассмотренный законодательный материал показывает, что масовый крестьянский отход, начавшийся примерно со второй половины XVII в., и необходимость усилить борьбу с самочинными формами ухода крепостных крестьян из деревни побудили крепостническое государство начать разработку мер по регламентации крестьянского отхода на заработки и «промысел», чтобы пресечь утечку рабочей силы от их «законных» владельцев. Осуществляя в интересах помещиков-крепостников реакционную политику в крестьянском вопросе, царское правительство настойчиво стремилось внедрить в практику такие формы и сроки найма, которые бы не угрожали существованию господствовавших крепостнических отношений. Однако проникновение товарно-денежных отношений в крепостную деревню и развитие капиталистического уклада в стране, увеличивая потребности крестьян в отходе, оказывали серьезное влияние на зигзагообразность правительственной политики в крестьянском вопросе. Изучение законодательства русского царизма дает возможность полнее разобраться в особенностях формирования рынка наемной рабочей силы и проследить те тенденции, которые вели к постепенному выделению из массы крестьянства, с одной стороны, рабочих с наделом, а с другой — предпринимателей-капиталистов.

⁷⁵ См. «Труды комиссии, учрежденной для пересмотра устава о паспортах». Ч. I, стр. 54—55.

⁷⁶ См. Н. М. Дружинин. Наемный труд государственных крестьян накануне 1861 г. «Из истории рабочего класса и революционного движения. Памяти академика Анны Михайловны Панкратовой». Сборник статей. М. 1958, стр. 171. Дорогостоящие двух- и трехгодные паспорта брались государственными крестьянами в 40—50-х годах по несколько сот штук в год, причем покупали их в основном зажиточные крестьяне из числа торговцев и хозяйчиков-промышленников («Труды комиссии, учрежденной для пересмотра устава о паспортах». Ч. I, стр. 57; Н. М. Дружинин. Наемный труд государственных крестьян накануне 1861 г., стр. 171).

⁷⁷ В 1857—1859 гг. на долю помещичьих и дворцовых крестьян, мещан, приписных к горным заводам, половников и некоторых других лиц приходилось 562 548 выданных паспортов. Большая часть этих паспортов бралась помещичьими крестьянами. (Подсчитано по данным, приведенным в «Трудах комиссии, учрежденной для пересмотра устава о паспортах». Ч. I, стр. 144.)